

Рассказова Е.И., Богомаз С.А., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А., Неяскина Ю.Ю., Сулимина О.В., Четошникова Е.В.

Региональные факторы личностных особенностей жителей Российской Федерации: сравнительный анализ результатов MMPI-2 в шести городах

English version: [Rasskazova E.I., Bogomaz S.A., Dorfman L.Ya., Leontiev D.A., Neyaskina Yu.Yu., Sulimina O.V., Chetoshnikova E.V. Regional factors of personality characteristics of inhabitants of Russian Federation: comparative analysis of MMPI-2 data in six cities](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Традиционно в исследованиях роли социокультурных факторов в формировании особенностей личности эти факторы операционализируются на макроуровне: как расовая, этническая, национальная принадлежность, страна проживания, не позволяя учесть региональных и локальных особенностей, которые особенно характерны для таких стран, как Россия. Целью данного исследования было выявление влияния города и региона проживания (как непосредственного, так и опосредствованного полом и возрастом испытуемых) на стратегии ответа на пункты методики и личностные особенности испытуемых. Были проанализированы данные, полученные при апробации второй версии методики Миннесотского мультифазного исследования личности (MMPI-2) на выборке из 1237 человек в шести городах России (Барнаул, Москва, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Тверь, Томск). Согласно полученным результатам, при инвариантной структуре личности на максимально обобщенном уровне анализа можно выделить как специфические для России, так и специфические для города проживания особенности. При этом основные региональные и локальные эффекты опосредствуются полом и возрастом, что позволяет выделить «зоны» особого интереса для дальнейших исследований. Сюда относятся, в частности, возрастная группа 25–39 лет в Перми, для которой характерны высокий уровень агрессии и психопатии; девушки моложе 25 лет в Петропавловске-Камчатском, у которых показатели депрессии и истерии значительно ниже, чем в других возрастных группах в этом городе и других городах. Не менее интересный вопрос касается психологических причин уплощения гендерных различий по шкалам ипохондрии, депрессии, истерии, психастении, социальной интроверсии в Москве и Петропавловске-Камчатском. Данные обсуждаются как с точки зрения влияния социально-экономических факторов жизни в разных городах, так и необходимости установления социально-психологического содержания полученных эффектов.

Ключевые слова: региональные факторы личностных особенностей, психодиагностика личности, MMPI-2, город как фактор социализации, социокультурные факторы личностных особенностей, инвариативное и вариативное влияние культуры на человека

Проблема роли социокультурных факторов в формировании особенностей личности остается одним из центральных направлений в психологии личности и социальной психологии [Shweder et al., 2006]. При этом на эмпирическом уровне фактор культуры, как правило, операционализируется как расовая, этническая, национальная принадлежность, а фактор социума – как страна проживания. На наш взгляд, такой подход не позволяет учесть важнейших особенностей на уровне региона и города проживания, которые характерны, в первую очередь, для стран с большой территорией, культурным, этническим

разнообразием, неравномерным распределением ресурсов. Россия относится к их числу. Кроме того, такой подход концентрирует внимание исследователей на различиях между культурами, не позволяя обнаружить собственно инвариантное влияние социума и культуры [Леонтьев, 2013]. Целью данной работы было преодоление части этих ограничений: выявление прямого и косвенного (опосредствованного социально-демографическими особенностями испытуемых) влияния города проживания жителей России на их личностные особенности. С теоретической точки зрения работа основана, с одной стороны, на анализе возможных проявлений влияния социокультурных факторов на личность человека в эмпирических исследованиях с использованием опросниковых методик, и, с другой стороны, на концепциях, обосновывающих роль места проживания (города) в формировании ценностей человека, его личности и его отношения к происходящим событиям. С эмпирической точки зрения достижение поставленной цели предполагает выбор такого инструмента, в отношении которого накоплен массив эмпирических данных о влиянии социодемографических и культурных факторов, что позволило бы интерпретировать полученные основные эффекты и эффекты взаимодействия в более широком социальном контексте. В соответствии с этим требованием, операционализация личностных особенностей соответствовала второй версии методики Миннесотского мультифазного исследования личности [Рассказова и др., 2013]. Выбор инструмента определялся широкой его распространенностью, признанностью и богатым массивом эмпирических данных о кросс-культурных, гендерных и возрастных особенностях как ответов на пункты методики, так и собственно профиля личности.

Роль культуры и социума в формировании особенностей личности

С точки зрения культурной психологии культура, задавая сценарии деятельности достойного члена конкретного сообщества, во многом определяет формирование личности [Shweder et al., 2006]. Легко заметить, что это положение практически повторяет представления о переходе от «интерпсихического» к «интрапсихическому», предложенные Л.С.Выготским (1983). На эмпирическом уровне можно выделить несколько линий развития этих представлений.

Во-первых, как изучаемые характеристики поведения, так и личностные особенности, выражающиеся в исследованиях в форме пунктов-утверждений, могут иметь разный смысл для представителей разных культур. Одно из возможных следствий этого – характерные для разных культур и сообществ специфические искажения в ответах на опросниковые методики (например, представители восточных культур при описании собственных переживаний чаще апеллируют к телесным ощущениям, чем представители западных культур [Ma-Kellams et al., 2012]), которые, в случае их недоучета, могут приводить к ошибочным интерпретациям полученных в исследованиях результатов. Традиционный психодиагностический подход стремится элиминировать эти различия, требуя достижения эквивалентности различных версий, которая предполагает, в частности, соответствие частот ответов на каждый из пунктов в двух разных культурах или странах (так называемая метрическая эквивалентность). Например, в случае ММПИ-2 свидетельством метрической эквивалентности методик считается соответствие частот ответа «Верно» между оригинальной и адаптируемой версиями на каждый из пунктов [Butcher, 1996]. Альтернативный подход может быть направлен, наоборот, на выявление социокультурных особенностей в *стратегиях* ответов испытуемых на разные пункты. В самом общем виде сюда относятся такого рода феномены, как соглашательский стиль ответов, противоречивость в ответах, аггравация и т.п. Важно отметить, что использование ММПИ-2 открывает богатые возможности для такого анализа благодаря большому количеству детализированных шкал коррекции.

Во-вторых, контекст социализации определяет то, в какой мере социально-демографические характеристики существенны для понимания особенностей личности. Например, если учесть специфику становления личности у молодежи в России в различные исторические периоды (ранний и поздний советский период, перестройка и т.п.), понятно, что выявленное в эмпирическом исследовании влияние возраста на личность может объясняться не собственными возрастными особенностями, а контекстом социализации [Леонтьев, 2013]. То же можно сказать и о влиянии фактора пола: задавая нормы, правила и идеальный образ «фемининного» и «маскулинного», культура и социум определяют как то, в какой степени женщинам будут свойственны «феминные», а мужчинам – «маскулинные» черты, так и конкретное содержание этих понятий. На методическом уровне речь идет об эффектах взаимодействия: фактор культуры опосредствует эффект социодемографических характеристик на особенности личности.

В-третьих, безусловную ценность представляет выявление непосредственного влияния культуры на становление личности. Принадлежность некоторой социальной группе автоматически задает специфические формы саморегуляции поведения, что инвариантно для любых форм социальности. В этом контексте Д.А.Леонтьев (2013) предлагает выделять кросс-культурные инварианты (выражаемые в понятии «цивилизация») и кросс-культурную вариативность. На эмпирическом уровне это означает необходимость дифференциации тех универсальных процессов, которые являются общими для разных социумов регуляторами жизни человека, и того специфического влияния, который вносит различный контекст.

Таким образом, последовательное исследование влияния социокультурных факторов на личность человека требует решения как минимум трех задач:

- 1.) дифференциации в одном исследовании как влияния, независимого от социодемографических факторов, так и влияния, опосредствованного последними;
- 2.) дифференциации эффектов, связанных с личностными особенностями, и эффектов, связанных со стратегиями ответа на пункты, например, проявляющимися в показателях по шкалам коррекции;
- 3.) интерпретации полученных результатов не только в терминах вариативных процессов, но и в терминах инвариант.

Город как фактор социализации

Традиционно роль социального контекста в психологии рассматривается либо на макро- (социум, культура), либо на микросоциальном (референтная группа, семья и т.п.) уровне. Значительно меньше внимания уделяется таким факторам, как регион и место проживания. При этом очевидно, что именно на этом уровне проявляются характерные паттерны этнических, языковых, экономических, природных (в том числе климатических), а также профессиональных (например, научный или университетский «городок») особенностей. Создавая условия для социализации, регион проживания и город (населенный пункт) определяют, в частности, как специфическую систему ценностей, которые важны для его жителей, так и оценку реализуемости этих ценностей [Богомаз и др., 2012; 2013]. Так, в недавно проведенном исследовании, направленном на сравнение оценки молодежью двух сибирских городов – Барнаула и Томска – базисных ценностей и их достижимости (там же), было показано, что томичи более высоко оценивают возможности для реализации в своем городе таких ценностей, как «быть уникальным и оригинальным», «достичь успехов в профессии», «иметь хорошую работу», «достичь успехов в карьере» и т.д. Определяя то, как человек видит свои перспективы и возможности, регион и город проживания могут быть неразрывно связаны с его личностными особенностями, отношением к себе, другим людям и складывающейся ситуации. В связи с этим центральной для данной работы задачей было выявление вклада места проживания (города), который понимался как задающий специфическую социальную и культурную ситуацию развития человека.

Кросс-культурные исследования ММРІ

Как уже упоминалось, выбор ММРІ в данном исследовании в качестве операционализации конструкта личностных особенностей основывался на признанности самого инструмента и богатстве эмпирических данных как в поддержку его валидности [Butcher et al., 2001], так и данных о влиянии на результаты теста пола, возраста и социокультурных факторов.

К настоящему моменту проведена обширная работа по апробации как первой, так и второй версии ММРІ по всему миру [Butcher, 2004], однако в большинстве случаев усилия исследователей сводятся к обеспечению эквивалентности между американской и другими версиями ММРІ. Тем не менее влияние этнических особенностей на ответы испытуемых несомненно (например, [Gumbiner, 2000]). Особенно активное обсуждение велось в отношении правомерности использования ММРІ в отношении афроамериканцев, однако окончательных выводов так и не было сделано [см. Whitworth, McBlaine, 1993; Dean et al., 2008]. Американцы испанского происхождения, по сравнению с американцами английского происхождения, характеризуются более высокими баллами по шкале лжи, более низкими – по шкалам коррекции, истерии и психопатии [Whitworth, McBlaine, 1993]. По данным метааналитического обзора эмпирических исследований, использовавших ММРІ или ММРІ-2, ни одно

из американских культурных меньшинств нельзя расценить как более психопатологическое на основе клинических шкал – иными словами, их результаты соответствуют общим нормам [Hall et al., 1999]. Тем не менее у американских индейцев, проживающих в двух различных рекреациях, по сравнению с нормативными американскими данными, выше баллы по шкалам лжи, аггравации, ипохондрии, психопатии, шизофрении и гипомании [Robin et al., 2003] – причем этот эффект хотя и снижается, но остается значимым при контроле пола и возраста испытуемых.

Не менее разнородны результаты, полученные в других странах. Так, сравнение данных латиноамериканцев и испанцев показывает, что средние показатели не выходят за пределы нормативного диапазона, хотя и характеризуются некоторой спецификой, что требует учета и дальнейшего исследования влияния культуры на ответы испытуемых [Boscan et al., 2000]. В частности, у мексиканцев, по сравнению с американцами, выше показатели по шкалам лжи и ипохондрии и ниже – по шкале маскулинности-фемининности [Lucio et al., 2001]. В китайской выборке особенности ответов по методике ММРІ были выявлены, в основном, только у девушек, однако данное исследование было проведено на выборке студентов и его результаты нельзя интерпретировать как характерные для китайцев любого возраста [Stevens et al., 1993]. То же касается австралийских данных: так, австралийские студенты [Taft, 1957], по сравнению с их американскими сверстниками, набирали более высокие баллы по шкалам маскулинности-фемининности, были выявлены также зависящие от пола испытуемых особенности ответов.

В целом полученные данные позволяют предполагать важную роль фактора культуры в формировании личностных особенностей. Однако следует учесть и возможность того, что культура определяет не только и не столько личностные особенности, сколько стратегию ответов на пункты. Так, у мексиканцев [Lucio et al., 2001], китайцев [Stevens et al., 1993] отмечаются отличия по шкалам валидности от американских норм, а в Корее особенности ответов респондентов по шкалам переменной и истинной непоследовательности ответов привели даже к разработке новых, чувствительных к особенностям культуры, шкал [Ketterer et al., 2010].

Гендерные и возрастные факторы ответов на ММРІ: на пути к выявлению взаимодействия с кросс-культурными факторами

К настоящему моменту набран богатый эмпирический материал, подтверждающий основные эффекты пола и возраста при ответах на пункты ММРІ. В целом у женщин, по сравнению с мужчинами, выше средние показатели по целому ряду содержательных шкал [Butcher et al., 2001]. Данные в отношении возраста более разнородны. Согласно данным, полученным на клинической выборке, значения по шкалам депрессии, ипохондрии увеличиваются с возрастом. Для выборки нормы однозначных результатов нет: в частности, разные исследователи сообщают о связанном с возрастом повышении баллов по шкалам лжи, аггравации, коррекции, ипохондрии, истерии, депрессии, социальной интроверсии, а также снижении по шкале психопатии [см. Fow et al., 1994]. По шкале шизофрении в некоторых работах отмечается снижение, тогда как в других – повышение баллов с возрастом испытуемых. В исследованиях, сравнивавших молодых испытуемых и испытуемых более старшего возраста (как в норме, так и в клинике), было показано, что у молодежи чаще повышены баллы по шкалам психопатии, шизофрении и гипомании и снижены баллы по шкалам ипохондрии, истерии и депрессии. По другим данным, влияние демографических характеристик на клинические шкалы ММРІ минимально и не превышает 10% объясняемой дисперсии [Schinka et al., 1998].

Значительно меньше известно о взаимодействии пола, возраста и социокультурных факторов в детерминации личностных особенностей. Отчасти этот «пробел» объясняется фокусом исследователей на специфических выборках: например, клинических выборках, исследованиях студентов, что не позволяет дифференцировать влияние всех трех факторов. Косвенно влияние взаимодействия пола и культуры на стратегии ответов испытуемых и их личностные особенности подтверждается следующими данными.

– В одном из исследований было показано, что гендерные особенности при ответах на пункты ММРІ более характерны для американцев (как взрослых, так и подростков), чем для корейцев, хотя содержательные различия в ответах мужчин и женщин одни и те же и касаются стереотипических

представлений об интересах, поведении и эмоциях представителей разных полов [Han et al., 2013].

– У китайских юношей-студентов, по сравнению с американскими юношами-студентами, отмечалось повышение по шкале социальной интроверсии, тогда как у китайских девушек-студенток были повышены показатели по шкалам лжи, коррекции, депрессии, истерии [Stevens et al., 1993].

– У австралийских юношей-студентов были выше показатели по шкале психопатии, тогда как у студенток – по шкалам депрессии и шизофрении, по сравнению с американцами [Taft, 1957].

Лишь единичные исследования ставили своей целью выявление как основных эффектов, так и эффектов взаимодействия пола, возраста и культуры испытуемых. В частности, при сравнении американцев мексиканского и английского происхождения были выявлены как основные эффекты факторов этнической группы, пола и возраста, так и эффекты взаимодействия [Hibbs et al., 1979]. У женщин мексиканского, но не английского, происхождения отмечалось повышение по шкалам ипохондрии и паранойи, а показатели по шкале коррекции увеличивались с возрастом только в подвыборке женщин, но не мужчин.

Наконец, практически отсутствуют работы, посвященные роли региона / населенного пункта в выборе стратегии ответа на вопросы ММРІ и итоговой структуре профиля личностных особенностей.

Целью данного исследования было выявление как непосредственного, так и опосредствованного полом и возрастом испытуемых влияния города и региона проживания на стратегии ответа на пункты методики и личностные особенности испытуемых.

Методы

В исследовании использовались данные, полученные при апробации второй версии методики Миннесотского мультифазного исследования личности (ММРІ-2). Методика представляет собой дополненный, но сопоставимый с первой версией, инструмент диагностики личностных особенностей, в том числе нарушений клинического уровня. В отличие от первой версии были добавлены новые шкалы валидности (шкалы переменной и истинной непоследовательности в ответах TRIN и VRIN, шкалы аггравации, связанной с ответами на вторую половину методики FB и связанной с упоминанием редкой и грубой психопатологической симптоматики FP, шкала создания благоприятного впечатления о себе S), содержательные, дополнительные и реструктурированные клинические шкалы (подробнее см. [Рассказова и др., 2013]). Результаты апробации русскоязычной версии методики свидетельствуют о ее функциональной, метрической и шкальной эквивалентности американскому оригиналу [Там же].

Выборка

Исследование проводилась на базе шести регионов России с центрами в следующих городах (в скобках указаны руководители работы): Барнаул (Е.В.Четошникова), Москва (Е.И.Рассказова), Пермь (Л.Я.Дорфман), Петропавловск-Камчатский (Ю.Ю.Неяскина), Тверь (О.В.Сулимина), Томск (С.А.Богомаз). После исключения испытуемых, не ответивших более чем на 5% всех пунктов (29 и более пунктов), выборка составила 1237 человек (характеристики выборки приведены в табл. 1).

Таблица 1

Описание выборки исследования

Критерии	Описание
ВСЕГО (N)	1237 человек
Город / регион	Барнаул – 232 человек (18,8%) Москва – 205 человек (16,6%) Пермь – 169 человек (13,7%) Петропавловск-Камчатский – 278 человек (22,5%)

	Тверь – 153 человек (12,4%) Томск – 200 человека (16,2%)
Пол	281 (22,7%) мужчины 940 (76,0%) женщины 16 (1,3%) не указали
Возраст	До 25 лет – 554 человека (44,8%) 25–39 лет – 339 человек (27,4%) 40 лет и старше – 254 человека (20,5%) Не указали – 90 (7,3%)
Семейный статус	476 (38,6%) не состояли в браке 390 (31,5%) состоят в браке в настоящее время 65 (5,3%) в разводе 304 (24,6%) не указали
Образование	Среднее – 121 (9,8%) человек Среднее специальное – 350 (28,3%) человек Студенты – 329 (26,6%) человек Высшее – 348 (28,1%) человек Не указали 89 (7,2%) человек

Большинство испытуемых в нашей выборке были моложе 40 лет, что не давало возможности исследовать детально влияние более поздних возрастных периодов. Мы разделили выборку на три возрастных группы (моложе 25 лет, 25–39 лет и 40 лет и старше) по следующим основаниям. Во-первых, граница в 25 лет соответствует периодизации Э.Эриксона (1996а, 1996б), что позволяет говорить об особенностях юношей и молодых людей по сравнению с людьми старшего возраста. Во-вторых, такой выбор обоснован современной социальной ситуацией в России, в которой период окончания обучения в вузе и начала построения рабочей карьеры приходится на 21–22 года. В профессиональной деятельности примерно до 25 лет человек считается молодым специалистом; начиная с того же возраста действуют социальные ожидания и нормы относительно создания семьи и рождения детей. 40 лет можно рассматривать как условную границу, когда ожидается, что человек уже определился в отношении семейной жизни и профессиональной деятельности. Наконец, процентиля 33,3% и 66,7% по возрасту в нашей выборке составили 22 и 34 года, и выбор близких к ним граничных значений удовлетворял статистическому требованию относительно равномерного распределения испытуемых по группам, необходимого для проведения многофакторного дисперсионного анализа.

Методы анализа данных

Для решения поставленных задач было проведено два трехфакторных дисперсионных анализа (город×возраст×пол) с множеством зависимых переменных (MANOVA). В качестве зависимых переменных в первом случае выступали шкалы коррекции, во втором случае – клинические шкалы ММРІ-2 с К-коррекцией (кроме шкалы фемининности / маскулинности, расчет которой зависит от пола испытуемых, что не позволяет выявлять гендерные различия в показателях по шкале). При попарных сравнениях городов и возрастных групп использовался критерий Шеффе. Для уточнения эффектов взаимодействия всех трех переменных дополнительно проводились двухфакторные дисперсионные анализы (город×возраст) отдельно в подвыборках мужчин и женщин.

Результаты

Роль пола, возраста и места проживания в стратегиях ответа на пункты методики

По критерию следа Пилайи в целом показатели по шкалам коррекции зависят от города ($F = 1,60$, $p < 0,05$), пола ($F = 2,69$, $p < 0,01$) и возраста ($F = 2,07$, $p < 0,01$) испытуемых. Кроме того, отмечается

влияние взаимодействия города и возраста ($F = 1,43$, $p < 0,01$), а также взаимодействия всех трех факторов ($F = 1,34$, $p < 0,05$).

Более детальный анализ позволяет выявить следующие результаты (табл. 2).

1. Пол испытуемых сказывается на показателях шкалы переменной непоследовательности в ответах VRIN и шкалы коррекции: женщины более склонны давать противоречивые ответы, но реже неосознанно искажают свои особенности по сравнению с мужчинами. Для сравнения, в оригинале гендерных различий по этим шкалам не наблюдается [Butcher et al., 2001].

2. По критерию Шеффе испытуемые младше 25 лет значимо более склонны к аггравации по всем трем шкалам по сравнению с испытуемыми 25–39 лет (средние различия 0,50–1,26, $p < 0,05$), тогда как испытуемые 40 лет и старше занимают промежуточное положение. Следует отметить, что различия выражены в наибольшей степени по шкалам аггравации, связанным с грубой психопатологической симптоматикой (FP) и ответами к концу опросника (FB), то есть можно предполагать, что для молодых испытуемых более характерны демонстративные жалобы, а также протестные реакции, связанные с утомлением к концу методики. Кроме того, с возрастом отмечается нарастание баллов по шкале коррекции, хотя по результатам попарных сравнений эти изменения достигают значимости только в отношении группы старше 40 лет – их показатели по шкале коррекции значимо выше, чем у испытуемых младше этого возраста.

3. В разных городах различаются показатели по шкале истинной непоследовательности в ответах (TRIN), шкале аггравации, связанной с ответами на вторую половину методики (FB), а также шкале намеренного создания благоприятного впечатления о себе (S). При этом по шкалам TRIN и FB паттерны близки: наименьшие показатели в Москве и Томске, наиболее высокие – Барнауле, Перми и Петропавловске-Камчатском, тогда как Тверь занимает промежуточное положение. По критерию Шеффе значимости по шкале TRIN достигают различия между Москвой и Барнаулом, Пермью, Петропавловском-Камчатским (средние различия: 0,67–1,03, $p < 0,05$), а также между Томском и Барнаулом (среднее различие: 0,67, $p < 0,05$). По шкале FB показатели в Москве значимо ниже, чем в Барнауле, Перми и Твери (средние различия: 1,63–3,04), в Томске – чем в Перми и Твери (средние различия: 2,13–2,95). По шкале S паттерн иной: максимальны значения в Москве и Твери, минимальны – в Барнауле, Перми и Петропавловске-Камчатском, причем отличия Москвы от этих городов достигают уровня значимости при попарных сравнениях (2,48–3,06). Иными словами, москвичи и томики менее склонны к соглашательскому стилю ответов и жалобам, связанным с утомлением к концу методики (в том числе протестным), но более склонны к созданию благоприятного впечатления о себе.

4. Эффект взаимодействия возрастной группы и города, в котором проживают испытуемые, был выявлен в отношении шкалы переменной непоследовательности ответов (VRIN) и всех шкал аггравации (FI, FB, FP). Более детальный анализ показывает, что взаимодействие вызвано большими возрастными расхождениями в баллах по шкале VRIN в Перми, где противоречивые ответы были наиболее характерны для испытуемых младше 25 лет и наименее – для испытуемых старше 40 лет. В других городах средние показатели в разных возрастных группах различались в значительно меньшей степени. Иными словами, в Перми люди старшего возраста были склонны внимательно отвечать на все пункты методики, тогда как юноши – напротив, чаще отвечали случайно. Эта особенность полученных в Перми данных требует дальнейших исследований, позволяющих дифференцировать влияние собственно места проживания, социального контекста и процесса сбора данных (поскольку в данном исследовании сбор данных в разных городах обеспечивался разными специалистами). Эффект взаимодействия в отношении шкалы FI объясняется большими возрастными расхождениями в Перми, Твери и Барнауле. В Барнауле и Твери молодые люди младше 25 лет более склонны к аггравации, нежели испытуемые других возрастных групп; в Перми к аггравации более склонны испытуемые младше 25 лет и 25–39 лет по сравнению с испытуемыми 40 лет и старше. Интересно, что в целом по всем городам закономерность та же только в отношении молодых испытуемых, тогда как наименее склонны предъявлять жалобы испытуемые 25–39 лет. В Барнауле, Твери и Перми склонность молодых людей (а в Перми – и людей среднего возраста) к аггравации объясняется утомлением к концу методики (FB), а в Твери и, в меньшей степени, в Перми – еще и склонностью предъявлять редкие психопатологические симптомы (FP, см. рис. 1).

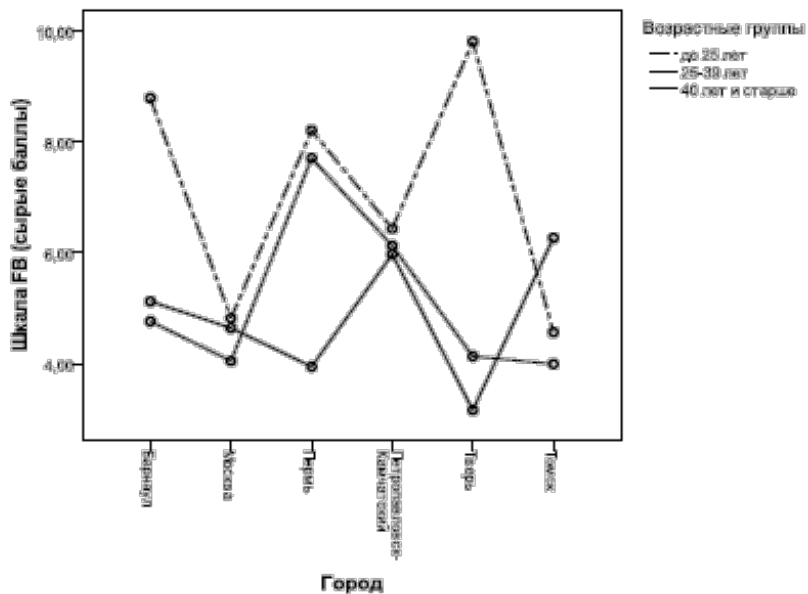
5. У мужчин и женщин отмечается специфика во влиянии возрастных особенностей на склонность к непоследовательным ответам (VRIN) и социально желательной лжи (L). Так, женщины склонны к непоследовательным ответам независимо от возраста, тогда как у мужчин этот показатель с возрастом снижается. Кроме того, в группах до 25 и от 25 до 39 лет более высокие показатели по шкале лжи были более характерны для мужчин; в группе от 40 лет и старше различия становились более явными и обратными: женщины были более склонны ко лжи, чем мужчины.

6. С целью интерпретации взаимодействия трех факторов, влияние которого было значимым в отношении шкал VRIN, FI, FB, дополнительно были проведены двухфакторные дисперсионные анализы (возраст × город) отдельно для мужчин и женщин. В выборке мужчин, но не женщин влияние взаимодействия факторов города и возрастной группы достигало значимости в отношении шкал VRIN ($F = 1,92, p < 0,05$), FI ($F = 2,56, p < 0,01$), FB ($F = 3,43, p < 0,01$). Во всех случаях паттерн взаимодействия города и возрастной группы тот же, что и целом по выборке: по шкале VRIN отмечаются выраженные возрастные различия в Твери, тогда как по шкалам аггравации – в Барнауле, Перми и Твери. Иными словами, влияние возраста, связанное с местом проживания, на склонность к непоследовательным ответам и аггравации можно разделить на непосредственное и опосредствованное полом испытуемых (у мужчин – все эффекты выше).

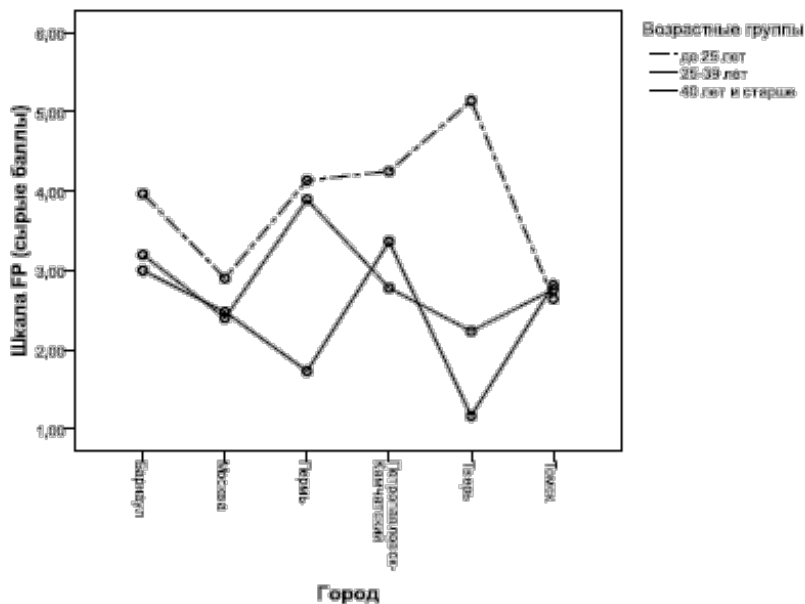
Таблица 2

Влияние города, пола и возраста на показатели по основным шкалам ММПИ-2: результаты трехфакторных дисперсионных анализов с множеством зависимых переменных (MANOVA)

Шкалы	Критерий Фишера F						
	Основные эффекты			Эффекты взаимодействия			
	Возраст	Пол	Город	Возраст × Город	Пол × Город	Возраст × Пол	Возраст × Пол × Город
<i>Шкалы коррекции</i>							
TRIN	1,24	0,03	3,55**	0,45	0,58	0,19	1,05
VRIN	2,26	5,59*	1,16	1,93*	1,21	3,18*	2,09*
FI	3,38*	0,16	0,18	2,58*	1,12	0,12	1,92*
FB	7,52***	0,22	2,56*	2,91***	0,30	0,20	2,57**
FP	8,40***	0,12	1,60	2,68**	0,95	0,82	1,77
L	0,78	0,17	1,17	1,21	0,88	3,40*	0,91
K	3,63*	6,00*	2,19	1,76	1,47	0,54	1,56
S	2,20	3,32	3,19**	1,11	1,81	0,06	0,70
<i>Клинические шкалы</i>							
Hs	2,62	15,29***	1,17	0,59	3,70**	2,26	1,65
D	2,85	32,26***	2,11	0,63	4,54***	3,58*	1,95*
Hy	0,23	20,34***	2,45*	1,27	3,91**	5,93**	2,27*
Pd	0,28	0,46	0,85	1,95*	1,31	0,83	2,06*
Pa	3,79*	8,44***	1,99	1,31	1,89	2,23	1,52
Pt	0,81	24,73***	0,57	0,60	4,34***	2,20	1,87
Sc	1,68	2,46	0,38	1,33	1,40	0,55	0,98
Ma	5,79**	1,85	1,33	1,62	0,77	1,23	0,96
Si	2,72	9,57***	0,30	1,17	3,82**	1,54	0,67

Показатели шкалы FB в зависимости от возрастной группы и города

Показатели шкалы FP в зависимости от возрастной группы и города

Рис. 1. Показатели шкал аггравации в зависимости от возрастной группы и города.

Пол, возраст и место проживания как детерминанты личностных особенностей

Если в качестве зависимых переменных использовать основные клинические шкалы, критерий следа Пилая указывает на значимое влияние факторов города ($F = 1,49$, $p < 0,05$), пола ($F = 7,90$, $p < 0,001$) и возраста ($F = 2,34$, $p < 0,001$), а также влияние взаимодействия города и пола ($F = 1,60$, $p < 0,05$). Содержательно можно указать на следующие особенности (табл. 2).

1. В соответствии с данными предыдущих исследований пол влияет на показатели по большинству клинических шкал MMPI-2 [Butcher et al., 2001]: так, у женщин, по сравнению с мужчинами, выше показатели по всем шкалам невротической триады (ипохондрия, истерия, депрессия), а также шкалам

паранойи, психастении и социальной интроверсии.

2. Возрастные особенности испытуемых сказываются только на баллах по шкалам паранойи и гипомании. По критерию Шеффе возрастные различия по шкале паранойи объясняются значимыми различиями между группами до 25 лет и 25–39 лет (средние различия 0,74, $p < 0,05$): у молодых испытуемых показатели по шкале выше, чем в возрасте 25–39 лет. Испытуемые старшего возраста занимают промежуточное положение по этим показателям. Испытуемые младше 25 лет характеризуются значимо более высокими баллами по шкале гипомании по сравнению с испытуемыми 25–39 лет и испытуемыми 40 лет и старше (средние различия 1,44 и 1,92 соответственно, $p < 0,01$). Иными словами, испытуемые младше 25 лет более склонны к проявлениям паранойи и гипомании.

3. Влияние фактора города выявлено лишь в отношении шкалы истерии: максимальный средний показатель в Москве, минимальный – в Петропавловске-Камчатском. Однако по критерию Шеффе значимых попарных различий между городами не выявлено.

4. Эффект взаимодействия города и возрастной группы достигает уровня значимости в отношении шкалы психопатии (см. рис. 2). В Твери, Петропавловске-Камчатском и Томске возрастные различия по психопатии не столь очевидны, как в других городах. В Барнауле, Москве, Петропавловске-Камчатском, Томске максимальный уровень психопатии отмечается в группе старших испытуемых (40 лет и старше). Возрастные группы до 25 лет и 25–39 лет либо практически не различаются по шкале Pd (Москва, Петропавловск-Камчатский), либо юноши несколько «опережают» людей среднего возраста (Барнаул), либо люди среднего возраста немного «опережают» юношей (Томск). В Перми картина прямо противоположная: показатели по шкале психопатии максимальны у людей среднего возраста (25–39 лет) и минимальны – у лиц старшего возраста (40 лет и старше).

5. Эффект взаимодействия пола испытуемых и города проживания достигает уровня значимости в отношении шкал ипохондрии (Hs), депрессии (D), истерии (Hy), психастении (Pt), социальной интроверсии (Si). Во всех случаях общий паттерн различий следующий: во всех городах, кроме Москвы и Петропавловска-Камчатского, у женщин показатели по этим шкалам выше, чем у мужчин. В Москве и Петропавловске-Камчатском показатели у мужчин и женщин практически не различаются, причем в Москве мужчины даже несколько «опережают» женщин по шкалам ипохондрии и истерии.

6. По шкалам депрессии и истерии эффект пола опосредствован возрастной группой, к которой относятся испытуемые: у женщин с возрастом показатели по этим шкалам линейно нарастают, тогда как у мужчин – практически не меняются, а в случае истерии – даже несколько снижаются к возрасту 40 лет.

7. С целью интерпретации взаимодействия трех факторов, влияние которого было значимым в отношении шкал депрессии, истерии и психопатии, дополнительно были проведены двухфакторные дисперсионные анализы (возраст $\times$ город) отдельно для мужчин и женщин. В выборке мужчин влияние взаимодействия факторов города и возрастной группы достигало значимости в отношении шкалы психопатии ($F = 2,47$, $p < 0,05$), в выборке женщин – в отношении шкал истерии и депрессии ($F = 2,23$, $p < 0,05$ и $F = 2,80$, $p < 0,01$ соответственно). В группе мужчин паттерны взаимодействия возраста и города в отношении шкалы психопатии полностью соответствовали выявленному в целом по выборке: иными словами, и высокий уровень психопатии у испытуемых 40 лет и старше по сравнению с более молодыми испытуемыми, в Москве и Барнауле, и высокий уровень психопатии у испытуемых младше 25 лет при низком – у испытуемых 40 лет и старше в Перми характерны скорее для мужчин, нежели для женщин. В подвыборке женщин (см. рис. 3) максимальные возрастные расхождения по шкалам депрессии и истерии отмечаются в Петропавловске-Камчатском, где у испытуемых младше 25 лет показатели существенно ниже, нежели в старших возрастных группах.

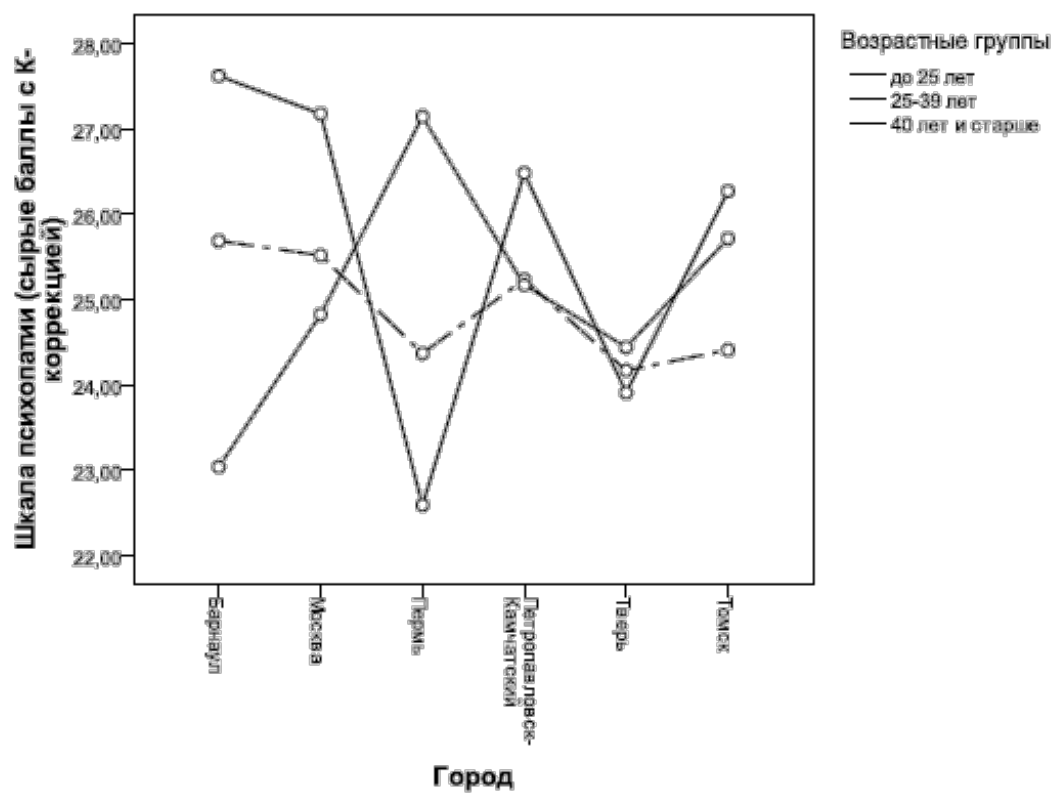
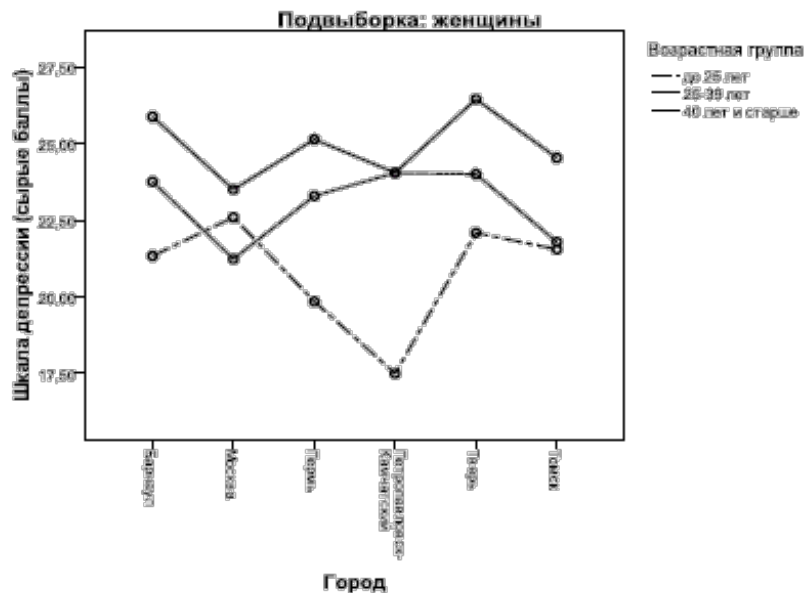
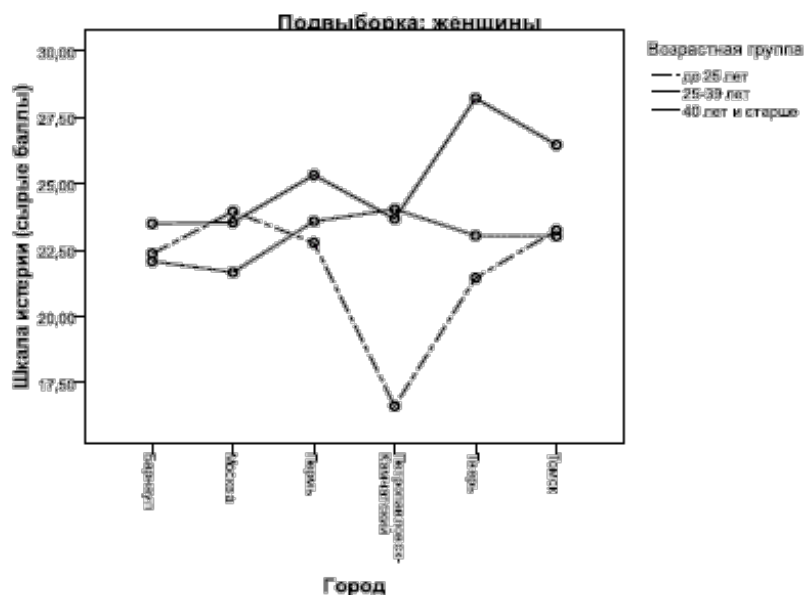

Рис. 2. Показатели шкалы психопатии в зависимости от возрастной группы и города.

Показатели шкалы D в зависимости от возрастной группы и города

Показатели шкалы H в зависимости от возрастной группы и города

Рис. 3. Показатели шкал депрессии и истерии в зависимости от возрастной группы и города.

Обсуждение результатов

Социокультурные варианты и инварианты

Согласно результатам апробации MMPI-2 [Рассказова и др., 2012], в целом показатели по клиническим шкалам и большинству шкал коррекции соответствуют американским нормам, что свидетельствует в пользу кросс-культурной инвариантности структуры личности и личностных особенностей. К инвариантным проявлениям фактора культуры можно отнести и гендерные особенности ответов на клинические шкалы, которые также не противоречили полученным в других странах результатам [Butcher et al., 2001]. В соответствии с ранними результатами, в российской выборке с возрастом нарастали баллы по шкале коррекции и снижались баллы по шкале гипомании [см. Fow et al., 1994]. На

самом общем уровне анализа эти результаты поддерживают распространенные представления, что соблюдение технических правил валидизации методики является залогом установления общей структуры личности и клинико-психологических нарушений [Butcher, 2004]. Между тем более детальный анализ выявляет целую серию источников вариативности во влиянии фактора культуры (российского контекста в целом).

По данным апробации [Рассказова и др., 2012], показатели по шкалам переменной непоследовательности в ответах (VRIN) и трех шкал аггравации (FI, FP, FB) у российских респондентов превышали американские нормы. Данное исследование позволяет уточнить полученные результаты: так, повышение по шкале VRIN опосредствовано влиянием фактора пола (женщины более склонны давать противоречивые ответы, нежели мужчины), а повышение по шкалам аггравации – фактором возраста (молодые испытуемые до 25 лет более склонны к повышению, особенно по шкалам FP и FB). Следует отметить, что, несмотря на выявленные специфические для России гендерные особенности в стратегиях ответов на вопросы (согласно полученным данным, у российских женщин отмечается также снижение показателей по шкале коррекции по сравнению с мужчинами), гендерные особенности показателей по клиническим шкалам MMPI-2 в целом соответствуют данным, полученным в других странах, то есть речь идет только о специфических когнитивных стратегиях ответов.

На наш взгляд, содержательная квалификация полученных результатов требует дальнейших исследований, в том числе кросс-культурного сопоставления социальных стереотипов и ожиданий от мужчин и женщин. Отдельный интерес представляют возрастные особенности: так, у российской молодежи отмечается не снижение (по сравнению с [Fow et al., 1994]), а нарастание аггравации, причем повышение по шкалам FP и FB позволяет предполагать, что по крайней мере часть этих особенностей объясняется демонстративными и протестными реакциями, нарастающими с утомлением к концу методики, а также возможным проявлением симптоматики на фоне утомления. В пользу этого предположения свидетельствует и выявленное повышение баллов по шкале паранойи (Pa), характерное для данной возрастной группы.

В качестве проявления социокультурной вариативности могут быть проинтерпретированы и данные об эффектах взаимодействия пола и возраста в отношении личностных особенностей жителей России: так, если женщины склонны к непоследовательным ответам независимо от возраста, то у мужчин этот показатель с возрастом снижается; ко лжи более склонны мужчины до 40 лет и женщины после 40 лет. Кроме того, гендерные различия по шкалам депрессии и истерии усиливаются с возрастом за счет нарастания этих показателей у женщин, но не у мужчин. Недостаток исследований, учитывающих оба этих фактора, не позволяет однозначно квалифицировать этот результат как специфически «русскую особенность» и требует уточнения в дальнейших исследованиях.

Социально-экономический и природный (средовой) контекст жизни в городе и личностные особенности

В полном соответствии с нашими предположениями, учет города проживания позволил выявить ряд особенностей ответов на пункты и личностных черт жителей, в том числе специфических для представителей разных полов и возрастных групп. Сопоставление основных демографических, социальных и экономических показателей (см. табл. 3, [Регионы России..., 2012]) позволяет выделить несколько моментов, которые важны для интерпретации этих результатов.

Гендерные и возрастные различия между городами могут интерпретироваться двумя способами: либо как последствия влияния распределения по полу и возрасту (например, в городе, где мало мужчин, социальные ожидания и представления о мужчинах и женщинах могут отличаться от города, где мужчины составляют более половины населения), либо как проявление социальной ситуации и сформированных этой ситуацией ожиданий и представлений, типичных для данного города. Отсутствие выраженных различий в распределении по гендерному и возрастному признаку (при «грубом» делении на три когорты) между городами свидетельствует против первого варианта (см. табл. 2). Единственное исключение касается Твери, в которой больше пожилых людей и меньше детей, чем в других городах, причем причины могут заключаться как в меньшей готовности к рождению детей, так и в большей детской смертности (скорее – причина в миграции «продуктивной» молодежи из Твери в столицу).

Анонимность и социальное сравнение. Со времен классических социально-психологических исследований Ф.Зимбардо и С.Милграма известно, что большой размер населенных пунктов, плотность населения, меньшее знакомство людей друг с другом (в том числе при высоком уровне миграции) порождают отчужденность в межличностных отношениях, переживания анонимности и диффузии ответственности, а вследствие разрушения стабильной системы социальной поддержки могут стать фактором риска аномии. Те же факторы усиливают процессы, связанные с идентификацией с группой, которые описаны в теориях социальной идентичности и самокатегоризации [Hogg et al., 1995]: границы между «своими» и «чужими» компенсаторно заостряются за счет идеализации и обесценивания, а представление о себе приближается к образу группового прототипа (так называемая деперсонализация). При этом субъективное отношение к внешней ситуации (например, условиям жизни в городе) искажается благодаря эффектам социального сравнения – с другими жителями города («соседом»), с жизнью в регионе, с ситуацией в других регионах. Если сравнивать города по размеру и плотности населения и уровню миграции (см. табл. 2), бесспорным лидером в отношении анонимности и деперсонализации должна быть Москва, следующее место можно разделить между Барнаулом, Пермью и Томском.

В Твери меньше не только количество жителей, но и менее активны миграционные процессы, однако в Твери важную роль могут играть процессы социального сравнения с близким соседом Москвой, значительно более успешным с социально-экономической и медицинской точки зрения. Наконец, в особом положении находится Петропавловск-Камчатский: при небольшом населении и отрицательном притоке мигрантов он является единственным крупным городом на большой территории с очень высоким прожиточным минимумом. Более того, уникальность жизненной ситуации населения официально признается и поддерживается государством в форме дополнительных льгот и выплат, что должно сказываться на системе социальных представлений и отношении к городу.

Дополнительные ориентиры для выводов дает анализ финансово-экономической ситуации. Различия между городами по прожиточному минимуму и размерам пенсий не так велики, как по размерам средней заработной платы. С одной стороны, расхождения могут усиливать эффекты социального сравнения, особенно в одном регионе: говоря метафорически, жизнь в Барнауле или Твери воспринимается жителями не настолько «дешевле», чем в Томске и Москве соответственно, насколько ниже заработные платы. С другой стороны, те же последствия, но внутри города имеет разброс в оплате труда: косвенно представление об этом можно составить на основе финансового «разрыва» между работающими и безработными, пенсионерами, инвалидами, который, например, в Москве значительно выше, чем в Барнауле.

Безопасность и возможности. То, каким образом проявляются личностные черты в конкретных ситуациях, неразрывно связано с теми возможностями и ограничениями, которые социальная ситуация предоставляет. С одной стороны, социальная ситуация в большей или меньшей степени провоцирует стресс, который может приводить к невротическим симптомам, особенно если у человека немного возможностей для совладания (в частности, в его жизни недостаточно переживания безопасности, стабильности, уверенности). С другой стороны, в стабильной ситуации, обеспечивающей человеку уверенность в своих силах и в завтрашнем дне, ему легче занимать активную позицию, придерживаться оптимистических взглядов, видеть и использовать те возможности, которые эта ситуация перед ним открывает. Хотя социально-экономические данные не позволяют провести полноценный анализ, можно указать на несколько статистических показателей, косвенно свидетельствующих о безопасности, стабильности и возможностях. Во-первых, высокая плотность населения и связанное с ней обезличивание отдельных людей, постоянный приток приехавших «на заработки» усиливают не только анонимность и социальное сравнение, но и подрывают основы безопасности, приводят к нарастанию социальных требований к «успешному» человеку и, как следствие, нарастанию темпа жизни, что, в свою очередь, является фактором риска невротической симптоматики. В этом смысле максимальный риск – у жителей Москвы.

Во-вторых, о социальной стабильности могут свидетельствовать показатели здоровья и преступности. Хотя трудно делать выводы на основе общих показателей, можно отметить несколько моментов. Максимальный уровень смертности отмечается в Твери – несмотря на относительно большую долю

медицинского персонала; минимальный – в Москве и Томске. В Барнауле показатели средние, однако по сравнению с другими городами небольшое количество врачей и медицинских сестер должны сказываться на доступности и качестве медицинского обслуживания. Если рассчитывать уровень преступлений в отношении к количеству жителей в городе, показатели всех городов, кроме Москвы, практически не различаются. В Москве относительный уровень преступности ниже, чем в других городах. Следует, однако, учитывать, что на переживание безопасности будет влиять и характер преступлений (информация, которой мы не располагаем), и их огласка, в том числе в СМИ: при высоком абсолютном их количестве в Москве выше вероятность, что они получают огласку, создавая впечатление ситуации менее безопасной, нежели она даже есть.

В-третьих, предположительно, индикатором социальной стабильности может служить показатель рождаемости – насколько готовы люди рожать и растить детей в имеющихся условиях. Лидирующее положение по рождаемости занимает Пермь, минимальное – Москва и Тверь. Наконец, еще один возможный индикатор стресса – доля психических заболеваний невротического уровня, диагностированных впервые за определенный период времени. Если не учитывать больных с психозами, умственной отсталостью и зависимостью от психоактивных веществ, заболеваемость в Барнауле, Перми, Твери и Томске выше, чем в Москве и Петропавловске-Камчатском. Следует отметить, однако, что этот показатель зависит как от традиций диагностической психиатрии в данном регионе, так и от обращения больных в диспансеры. Вполне возможно, что жители Москвы стараются не прибегать к услугам врачей в психоневрологических диспансерах, получая лечение частно или самостоятельно или не получая его вовсе.

Таблица 3

Социально-экономические основания личностных особенностей в городах

Показатели	Барнаул	Москва	Пермь	Петропавловск-Камчатский	Тверь	Томск
Федеральный округ	Сибирский	Центральный	Приволжский	Дальневосточный	Центральный	Сибирский
Субъект (кол-во городов / площадь, тыс. км ²)	Алтайский край (12 / 168)	Москва (1 / 1,1)	Пермский край (25 / 160)	Камчатская область (3 / 464)	Тверская область (23 / 84)	Томская область (6 / 314)
Население, тыс. чел. / площадь, тыс. км ²	622 / 0,9	11613 / 1,1	1001 / 1,0	180 / 0,4	407 / 0,2	539 / 0,3
% мужского населения	44,7%	46,1%	44,1%	48,9%	44,2%	46,4%
% младше 16 лет (в т.ч. % детей 1–6 лет) / % трудоспособных [1] / % старше трудоспособного возраста	15 (6,3) / 64 / 21	Нет полных данных / нет полных данных / 22%	16 (6,6) / 62 / 22	16 (6,7) / 66 / 18	14 (5,7) / 61 / 25	16 (6,7) / 66 / 18
Смертность на 1000 человек населения	11,5	9,7	12,5	11,5	14,8	9,8
Рождаемость на 1000 человек населения	11,8	10,8	12,8	11,9	11,2	12,1
Миграционный прирост населения, тыс. человек за год	10,0	86,7	8,8	–3	4,4	11,8
Среднемесячная заработная плата / средний размер	18 575 / 8356	44 899 / 8893	25 504 / 8721	45 855 / 13 114	22 773 / 8571	26 771 / 8656

пенсий, руб.						
Величина прожиточного минимума в регионе[2]	6170	9719	6690	13 127	6278	6936
Численность врачей / среднего медицинского персонала, на 10 000 населения	50 / 88	78 / 100	92 / 111	63 / 145	118 / 130	103 / 117
Число зарегистрированных преступлений (% от населения)	14 248 (2,3%)	173 600 (1,5%)	21 096 (2,1%)	3539 (2,0%)	10 199 (2,5%)	12 381 (2,3%)
Число больных психическими расстройствами (в т.ч. психозы и слабоумие), кроме употребления психоактивных веществ), впервые взятых под наблюдение в регионе за 2008 г., на 100 000 населения[3]	71,0 (22,7)	32,1 (21,4)	61,0 (19,6)	43,4 (25,2)	52,0 (19,4)	69,8 (16,4)

Другим ключевым для интерпретации моментом является учет особенностей окружающей среды, определяющей, в частности, комфортность условий для жизни населения и степень экологической напряженности, которые тесно связаны с психологическим благополучием (например, [Медведев, Алдашева, 2001; Ширяева, Навроцкая, 2011]). Напряженность среды определяется антропогенными показателями (загрязнение, населенность и т.п.), часть из которых рассматривалась выше, и природными показателями, среди которых выделяют азональные (высота местности, заболоченность, стихийные явления) и зональные факторы (температурные особенности, влажность, ветер, ультрафиолет). Территорию России разделяют на шесть зон, характеризующих разную степень комфортности природных условий для жизнедеятельности человека: Петропавловск-Камчатский относится к дискомфортной зоне II, Томск и Барнаул – к относительно дискомфортной зоне III, Пермь – к относительно комфортной зоне IV, Москва и Тверь – к умеренно комфортной зоне V. Соответственно, в Петропавловске-Камчатском можно в большей степени ожидать эффектов, связанных с необходимостью преодолевать трудную природную ситуацию, с влиянием факторов среды на жизнедеятельность человека.

Следует отметить, что влияние социально-экономических, политических и средовых факторов на личностные особенности реализуется не только напрямую, но и косвенно – через формирование субъективной оценки не только текущей ситуации, но и своих возможностей и перспектив в данном городе [Богомаз и др., 2012; 2013]. Упомянутые эффекты социального сравнения играют здесь не последнюю роль: так, воспринимаемые перспективы у жителей Москвы и Твери, несмотря на их географическую близость, будут различны. Причем большего влияния воспринимаемых перспектив на личность следует ожидать в молодом возрасте.

Город проживания как источник социокультурной вариативности в особенностях личности

Содержательный анализ специфики социо-экономической ситуации в разных городах дает базовые ориентиры для сопоставления выявленных особенностей. Во-первых, по таким шкалам коррекции, как TRIN, FB и S, отмечается следующая картина: жители Центрального округа (Москвы и Твери) и Томска более, чем жители других городов, склонны к созданию благоприятного впечатления о себе (S) и менее склонны к соглашательскому стилю ответов (TRIN), жалобам при утомлении в ответах на вторую половину методики (FB). Интересно, что это три города с максимальной плотностью населения [4], что может быть связано с усилением темпа жизни, когнитивной нагрузки и социальных требований к человеку и, как следствие, большей индивидуальностью в ответах, внимательностью в заполнении методики и самопрезентации. Кроме того, Москва и Томск могут быть отнесены к числу благополучных городов, например, по показателям смертности, привлекательности для миграционного притока – в отличие от Твери. В этом контексте большую согласованность в ответах и снижение аггравации (показатели, по которым лидируют Москва и Томск) можно объяснить также большей уверенностью в своем городе по сравнению с альтернативами, тогда как самопрезентация (лидируют Москва и Тверь), по всей видимости, в большей степени обусловлена психологическими последствиями высокой плотности населения.

Во-вторых, непосредственный эффект города на личностные особенности жителей не столь выражен, как предполагалось, и касается только шкалы истерии (Hy), по которой Москва значительно опережает другие города. На наш взгляд, этот результат следует интерпретировать как следствие целого комплекса факторов, обеспечивающих уникальное положение Москвы как столицы среди других городов – как с социальной и финансовой точки зрения, так и с точки зрения открывающихся перед человеком возможностей и предъявляемых к нему требований.

Следует отметить, что кросс-культурные особенности по шкалам аггравации [Robin et al., 2003] и истерии [Whitworth, McBlaine, 1993] были описаны ранее, что позволяет говорить о чувствительности этих особенностей личности к воздействию социокультурных факторов.

Пол и возраст как факторы, опосредствующие влияние фактора города на личностные особенности жителей

Как говорилось выше, в немногочисленных работах, посвященных выявлению эффектов взаимодействия факторов пола, возраста и культуры, в ответах на ММРІ-2 по сути нет данных в пользу особенностей в стратегиях ответов (шкалах коррекции). В отличие от этого, в данном исследовании была выявлена целая серия специфических эффектов.

1) Снижение с возрастом показателей по шкале переменной непоследовательности в ответах (VRIN) характерны для Перми в большей степени, нежели для других городов. Тот же эффект выявлен и в Твери, но он характерен только для мужчин, но не для женщин.

2) Различия по шкалам аггравации вызваны не только высоким ее уровнем у молодых людей, но и опосредствуются фактором города: наиболее выражен этот эффект в Барнауле, Твери и Перми (причем в Перми высокий уровень аггравации характерен и для более старшей возрастной группы 25–39 лет). Все эффекты более выражены у мужчин по сравнению с женщинами. Если в отношении Барнаула и Твери можно предположить, что результаты объясняются социальным сравнением с более экономически крупными городами (например, молодые люди, особенно мужчины, оправдывают себя за то, что менее успешны в своем городе, и «ищут счастья» в другом месте), то в отношении Перми, занимающей достаточно благополучное социально-экономическое положение, эти особенности требуют дальнейшего уточнения. Предварительно можно предположить, что акцент на собственном отличии от других, в том числе на редких и необычных симптомах, у молодежи в «городе рабочих» Перми несет компенсаторную функцию, указывая на уникальность и добавляя экстравагантности, а с возрастом эти особенности снижаются. Необходимо учитывать, что в данном случае эффект мог быть усилен профессиональными особенностями испытуемых: по сравнению с другими городами, в исследовании в Перми чаще принимали участие представители творческих профессий.

Анализ эффектов взаимодействия в отношении клинических шкал позволяет сделать следующие выводы.

1) Возрастные различия по шкале психопатии особенно характерны для Москвы, Перми и Барнаула, причем если в Москве и Барнауле максимальный уровень психопатии характерен для испытуемых старше 40 лет, то в Перми – для испытуемых 25–39 лет, тогда как в старшей возрастной группе он, наоборот, минимален. Эти эффекты более выражены у мужчин, нежели у женщин. Важно отметить, что данные Перми согласуются с выдвинутой выше гипотезой о демонстрации своего отличия и уникальности в молодом возрасте, усиленной влиянием профессионального фактора. Немаловажно, что ни в одном из российских городов нельзя сделать вывод о снижении балла по шкале психопатии с возрастом, который был характерен для американских исследований [см. Fow et al., 1994].

2) В Петропавловске-Камчатском и Москве гендерные особенности ответов по клиническим шкалам наименее выражены, более того, в Москве мужчины проявляют даже более высокий уровень ипохондрии и истерии, нежели женщины. Интересно, что в большинстве случаев различия сглажены по шкалам, тесно связанным с социальными представлениями о гендерных особенностях (депрессия, истерия, психастения традиционно рассматриваются как характерные для более фемининных ролей). Можно объяснить этот результат тем, что в обоих городах – хотя и по разным причинам – женщины чаще принимают на себя часть обязанностей, традиционно характерных для мужчин, что приводит к изменению системы социальных ожиданий. В Петропавловске-Камчатском изменение гендерных стереотипов поведения провоцируется ситуацией, когда мужчины подолгу отсутствуют дома в связи с особенностями профессий (моряки, военные и т.п.) и женщины вынуждены самостоятельно решать не только привычные, но и «мужские» задачи. В Москве тот же эффект является результатом повышенных требований ко всем жителям мегаполиса, когда рынок труда предоставляет практически равные возможности заработка для мужчин и женщин, и образ успешной женщины предполагает решение самого широкого круга задач, не сводящегося к «фемининным» ролям. Более детальная проверка этих предположений требует дальнейших исследований.

3) Описанное выше нарастание баллов по шкалам депрессии и истерии с возрастом у женщин специфично для города проживания: наиболее ярко оно проявляется в Петропавловске-Камчатском, где у девушек до 25 лет эти показатели низки. Интересно, что хотя имеющиеся у нас данные не позволяют дифференцировать показатель заболеваемости психическими заболеваниями непсихотического уровня в Петропавловске-Камчатском по возрастам, данные согласуются с тем, что его средний уровень – один из самых низких. Можно предположить, что в выборку попали те молодые люди, чьей целью не является переезд (остальные уезжают учиться в центральные регионы вскоре после окончания школы). В силу изолированности и уникальности Петропавловска-Камчатского оставшаяся в городе молодежь не сталкивается с проблемами самоутверждения, социального сравнения, карьерного роста и организации собственной самостоятельной жизни столь остро, как юноши и девушки того же возраста в других регионах. На первый план для них выходят цели развития и самореализации, поиска ценного и важного для себя, тогда как трудности, связанные со средовыми факторами, в этом возрасте могут еще восприниматься как не столь важные и не препятствующие жизненным задачам. По мере взросления и расширения кругозора понимание и признание этих трудностей, в том числе того, как они ограничивают поставленные жизненные задачи, приводит к снижению эффекта.

На наш взгляд, эти результаты не могут быть объяснены напрямую социально-экономическими показателями и требуют дальнейших исследований социальных представлений, ожиданий от людей разного возраста, их системы ценностей, связанных с городом. Полученные данные позволяют указать на мишени таких исследований: так, особый интерес представляет возрастная группа 25–39 лет в Перми, для которой характерны высокий уровень аггравации и психопатии; девушки моложе 25 лет в Петропавловске-Камчатском, у которых показатели депрессии и истерии значительно ниже, чем в других возрастных группах в этом городе, и других городах. Не менее интересный вопрос касается психологических причин уплощения гендерных различий по шкалам ипохондрии, депрессии, истерии, психастении, социальной интроверсии в Москве и Петропавловске-Камчатском.

В целом полученные результаты позволяют говорить о том, что при близости паттернов личностных черт в различных культурах как страна, так и место проживания (город) оказывают существенное влияние на ряд стратегий ответов на пункты опросниковых методик и личностных особенностей. В первую очередь, это влияние является косвенным и определяется взаимодействием макро- и

микросоциальных факторов с социодемографическими факторами (полом и возрастом).

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 12-06-00403.

Литература

Богомаз С.А., Калинина С.К., Четошникова Е.В. К возможности субъективной оценки средовых условий в городе, расположенном в зоне экстремального проживания. В кн.: А.А. Бучек, Ю.Ю. Неяскина, М.А. Фризен (Ред.). Личность в экстремальных условиях. Выпуск 2: сборник научных статей в 2 частях. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. Ч. 2, С. 27–40.

Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула. Сибирский психологический журнал, 2013, No. 49, 102–112.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций. В кн.: Л.С. Выготский. Собрание сочинений: В 6 томах. М.: Педагогика, 1983. Т. 3, С. 6–328.

Леонтьев Д.А. О некоторых аспектах проблемы «культура и личность». Культурно-историческая психология, 2013, No. 1, 22–30.

Медведев В.И., Алдашева А.А. Экологическое сознание. 2-е издание, дополненное. М.: Логос, 2001.

Рассказова Е.И., Богомаз С.А., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А., Неяскина Ю.Ю., Сулимина О.В., Четошникова Е.В. Психометрические характеристики русскоязычной версии MMPI-2. Психологические исследования, 2013, 6(29), 2. <http://psystudy.ru>

Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов 2012. Статистический сборник. М.: Статистика России, 2012.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656.

Ширяева О.С., Навроцкая Е.А. Временная перспектива личности при разных типах оценки среды жизнедеятельности. Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки, 2011, No. 2, 108–118.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 1996а.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996б.

Boscán D.C., Penn N.E., Velasquez R.J., Reimann J., Gomez N., Gúzman M., Berry E.M., Ivía M., Infantes L.D., Jaramillo L.F., De Romero M.C. MMPI-2 profiles of Colombian, Mexican, and Venezuelan university students. Psychological Reports, 2000, 87(1), 107–110.

Butcher J.N. Personality assessment without borders: Adaptation of the MMPI-2 across cultures. Journal of Personality Assessment, 2004, 83(2), 90–104.

Butcher J.N. International adaptations of the MMPI-2: Research and clinical applications. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.

Butcher J.N., Graham J.R., Ben-Porath Y.S., Tellegen A., Dahlstrom W.G., Kaemmer B. MMPI-2 (Minnesota Multiphasic Personality Inventory-2): Manual for administration and scoring (2nd ed.). Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2001.

Dean A.C., Boone K.B., Kim M.S., Curiel A.R., Martin D.J., Victor T.L., Zeller M.A., Lang Y.K. Examination

of the Impact of Ethnicity on the Minnesota Multiphasic Personality Inventory-2 (MMPI-2) Fake Bad Scale. *Clinical Neuropsychologist*, 2008, 22(6), 1054–1060.

Fow N., Sittig M., Dorris G., Breisinger G., Anthony K. An analysis of the relationship of gender and age to MMPI scores of patients with chronic pain. *Journal of Clinical Psychology*, 1994, 50(4), 537–554.

Gumbiner J. Limitations in ethnic research on the MMPI-A. *Psychological Reports*, 2000, 87(3), 1229–1230.

Hall G.C., Bansal A., Lopez I. Ethnicity and psychopathology: A meta-analytic review of 31 years of comparative MMPI/MMPI-2 research. *Psychological Assessment*, 1999, 11(2), 186–197.

Han K., Park H.I., Weed N.C., Lim J., Johnson A., Joles C. Gender Differences on the MMPI Across American and Korean Adult and Adolescent Normative Samples. *Journal of Personality Assessment*, 2013, 95(2), 197–206.

Hibbs B.J., Kobos J.C., Gonzalez J. Effects of ethnicity, sex, and age on MMPI profiles. *Psychological Reports*, 1979, 45(2), 591–597.

Hogg M.A., Terry D.J., White K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory. *Social Psychology Quarterly*, 1995, 58(4), 255–269.

Ketterer H.L., Han K., Hur J., Moon K. Development and validation of culture-specific Variable Response Inconsistency and True Response Inconsistency Scales for use with the Korean MMPI-2. *Psychological Assessment*, 2010, 22(3), 504–519.

Lucio E., Ampudia A., Durán C., León I., Butcher J. Comparison of the Mexican and American norms of the MMPI-2. *Journal of Clinical Psychology*, 2001, 57(12), 1459–1468.

Ma-Kellams C., Blascovich J., McCall C. Culture and the body: East-West differences in visceral perception. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012, 102(4), 718–728.

Robin R.W., Greene R.L., Albaugh B., Caldwell A., Goldman D. Use of the MMPI-2 in American Indians: I. Comparability of the MMPI-2 between two tribes and with the MMPI-2 normative group. *Psychological Assessment*, 2003, 15(3), 351–359.

Schinka J.A., LaLone L., Greene R.L. Effects of Psychopathology and Demographic Characteristics on MMPI-2 Scale Scores. *Journal of Personality Assessment*, 1998, 70(2), 197–212.

Shweder R.A., Goodnow J.J., Hatano G., LeVine R.A., Markus H., Miller P.J. The cultural psychology of development: one mind, many mentalities. In: W. Damon, R. Lerner (Eds.). *Handbook of Child Psychology* 6th ed. Vol. 1: Theoretical models of human development. New York: Wiley & Sons, 2006. pp. 716–792.

Stevens M.J., Kwong-Liem K., Graybill D. Comparison of MMPI-2 scores of foreign Chinese and caucasian-American students. *Journal of Clinical Psychology*, 1993, 49(1), 23–37.

Taft R. A cross-cultural comparison of the MMPI. *Journal of Consulting Psychology*, 1957, 21(2), 161–164.

Whitworth R.H., McBlaine D.D. Comparison of MMPI and MMPI-2 administered to Anglo- and Hyspanic-American university students. *Journal of Personality Assessment*, 1993, 61(1), 19–27.

Примечания

[1] Мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года.

[2] Данные Госкомстата на 2012 год, URL: <http://www.gks.ru/gis/tables/UROV-6.htm>

[3] Данные Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения МЗ РФ на 2008 год, URL: <http://www.mednet.ru/ru/statistika/soczialno-znachimye-zabolevaniya.html>

[4] Под плотностью населения имеется в виду то, сколько тыс. человек приходится в среднем на 1 тыс. км² в городе (частное населения и площади): несмотря на разницу в абсолютных размерах, Москва, Тверь и Томск лидируют по этому показателю.

Поступила в редакцию 18 марта 2014 г. Дата публикации: 29 декабря 2014 г.

Сведения об авторах

Рассказова Елена Игоревна. Кандидат психологических наук, доцент, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: l_rasskazova@yahoo.com

Богомаз Сергей Александрович. Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой организационной психологии, факультет психологии, Томский государственный университет, пр. Ленина, д. 36, 634050 Томск, Россия.
E-mail: bogomazsa@mail.ru

Дорфман Леонид Яковлевич. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики, Пермская государственная академия искусства и культуры, ул. Газеты «Звезда», д. 18, 614000 Пермь, Россия.
E-mail: dorfman07@yandex.ru.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич. Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Высшая школа экономики, Волгоградский проспект, д. 466, 109316 Москва, Россия.
E-mail: dleon@smysl.ru.

Неяскина Юлия Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра теоретической и прикладной психологии, психолого-педагогический факультет, Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, ул. Пограничная, д. 4, 683032 Петропавловск-Камчатский, Россия.
E-mail: neyaskinaju@yandex.ru

Сулимина Оксана Владимировна. Преподаватель, факультет психологии, Московский гуманитарно-экономический институт, Тверской филиал, ул. Дмитрия Донского, д. 37, 170006, Тверь, Россия.
E-mail: sulimina_oxana@mail.ru

Четошникова Екатерина Викторовна. Кандидат психологических наук, доцент, Институт психологии и педагогики, Алтайская государственная педагогическая академия, ул. Молодежная, д. 55, 656049 Барнаул, Россия.
E-mail: chetoshnikova@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Рассказова Е.И., Богомаз С.А., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А., Неяскина Ю.Ю., Сулимина О.В., Четошникова Е.В. Региональные факторы личностных особенностей жителей Российской Федерации: сравнительный анализ результатов ММПИ-2 в шести городах. Психологические исследования, 2014, 7(38), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Рассказова Е.И., Богомаз С.А., Дорфман Л.Я., Леонтьев Д.А., Неяскина Ю.Ю., Сулимина О.В., Четошникова Е.В. Региональные факторы личностных особенностей жителей Российской Федерации: сравнительный анализ результатов ММПИ-2 в шести городах // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1065-rasskazova38.html>

[К началу страницы >>](#)